

УДК 82:27-249

ББК 86.24(2:4)

Юрий Константинович Волков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ, Россия, Арзамас, e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

Апокалиптические образы Данте и Соловьёва как контрапункты стиля эпохи перемен

Аннотация. На примере апокалиптических образов «Божественной комедии» Данте и «Краткой повести об антихристе» Владимира Соловьёва рассматриваются идейно-художественные особенности феномена контрапункта стиля как одновременного противостояния и сочетания стилей разных исторических эпох. Для решения поставленной исследовательской задачи в статье использован стилистический вариант кросскультурного метода. В результате проведенного исследования показано, что «Божественная комедия» принадлежит к стилистике итальянского проторенессанса, в котором, наряду с традициями средневековой культуры, формируются стилистические особенности культуры эпохи Возрождения и Нового времени. Сделан вывод о том, что авторский стиль эсхатологии Данте – это стиль пророка и судьи человечества, провозгласившего продолжение его вечной жизни. Авторская стратегия последнего произведения Соловьёва также может быть отнесена к типичным для российской культуры конца XIX – начала XX века стилизациям жанра эсхатологических пророчеств. Вместе с тем отмечается, что апокалиптические образы Соловьёва не несут в себе обязательной для христианской эсхатологии простой и ясно сформулированной идеи грядущего и близкого спасения, но лишь новаторски используют ее, предсказывая неизбежность продолжения великих войн, переворотов и междоусобиц на пути, ведущем к концу истории. На этом переходном этапе, полном злобы, лжи и обмана, только традиционный для христианства идеал бескорыстной любви и духовного единения, используемый Соловьёвым в рамках новой художественной стилистики, наделяется способностью сохранять свою вневременную ценность. Таким образом, общим итогом проведенного сравнения исторического стиля Откровения Иоанна с двумя последующими стилизациями апокалиптических образов является подтверждение предположения о существовании общих закономерностей культурного саморазвития, проявляющихся в знаковых произведениях эпохи перемен.

Ключевые слова: Данте Алигьери и Владимир Соловьёв, контрапункт стиля, апокалипсис, эсхатология, пророческая стилистика Откровения Иоанна Богослова, идейно-стилистические особенности «Божественной комедии» и «Краткой повести об антихристе», саморазвитие культуры, конец истории, идеал бескорыстной любви

Yuriy Konstantinovich Volkov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Philosophy, Docent, Professor of the Department of History, Social Sciences and Law of the Faculty of History and Philology Arzamas branch of UNN, Russia, Arzamas, e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

Dante's and Solovyov's Apocalyptic Images as Stylistic Counterpoints in the Era of Change

Abstract. Following the example of Dante's apocalyptic images in the "Divine Comedy" and Vladimir Solovyov's "A Short Story of Antichrist", this article takes into consideration the ideological and artistic elements of the counterpoint – the latter being meant as a simultaneous confrontation and combination of styles from different historical epochs. For this purpose, a given stylistic version of the cross-cultural method is adopted. As a result of it, the author demonstrates that the "Divine Comedy" belongs to the Italian proto-Renaissance style, in which, along with the traditions of medieval culture, the stylistic features of Renaissance and Modern times are forming. The conclusion is that the authorial style of Dante's eschatology is the style of the prophet and judge of humanity who proclaims the continuation of its eternal life. In the same way, the authorial strategy of Solovyov's last work may be also attributed to a stylization of the prophetic genre that was typical of the Russian culture of the late 19th and early 20th century. Despite all this, Solovyov's apocalyptic images do not have a clearly formulated idea concerning the coming salvation – which should be mandatory for the Christian eschatology –, but they only formulate in a new way a prediction regarding the inevitable continuation of great wars, coups and civil strifes on the path leading to the end of history. In this transitional stage full of malice, lies and deceit, only the traditional Christian ideal of unselfish love and spiritual unity, which Solovyov employs within the framework of a new artistic style, is endowed with the ability to preserve its timeless value. The overall result of the comparison of the historical style of John's Revelation with the two subsequent stylizations of apocalyptic images is a confirmation of the existence of a cultural self-development that manifests itself in the iconic works of the era of change.

Key words: Dante Alighieri and Vladimir Solovyov, Counterpoint of Style, Apocalypse, Eschatology, Prophetic Style of Revelation of John the Theologian, Ideological and Stylistic Features in the "Divine Comedy" and "A Short Story of Antichrist", Self-Development of Culture, End of History, Ideal of Selfless Love

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.1.055-066

Эпоха перемен – термин, который сегодня становится привычным при обсуждении вопросов, касающихся определения исторического места человечества на долгом и трудном пути становления мировой цивилизации. Вместе с тем при таком частом использовании понятие «время перемен» постепенно утрачивает изначально присущие ему трагизм и оптимизм, скорбь об уходящем и надежду на будущее. Хотя в истории идей эти фундаментальные противоречия, ставшие почти незаметными в динамике современной жизни, неоднократно получали яркую художественную форму.

К числу произведений, идейный пафос которых созвучен трагическим и оптимистическим ожиданиям грядущих перемен, с полным правом могут быть отнесены разные по своему масштабу, но схожие по идейно-художественному

стилю произведения Данте Алигьери и Владимира Соловьева. Речь, конечно же, идет о главном произведении Данте – его «Божественной комедии», а также о знаменитых соловьевских «Трех разговорах», в содержании которых важное место отведено апокалиптическим образам, раскрывающим тему исторического и жизненного финала.

Говоря о степени разработанности темы эсхатологических образов в стилистике «Божественной комедии», следует указать на то особое место, которое занимает поэма Данте в качестве источника для самых разнообразных культурных заимствований. Вместе с тем именно такой исключительный статус поэмы порождает трудности, связанные с попытками ее нового прочтения, поскольку традиция составления комментариев к творению Данте за семь с лишним столетий привела к созданию безбрежного моря «дантоведческой» литературы. Развиваясь сегодня на просторах интернета, эта традиция позволяет «получить доступ к различным комментариям какой угодно терцины из “Божественной комедии”»¹.

О существенно меньшем по объему перечне основных работ, посвященных эсхатологии «Трех разговоров» В.С. Соловьева, речь пойдет ниже. Однако уже сейчас можно констатировать, что соловьевская трактовка образов Апокалипсиса специально не исследовалась не проводились в интересующем нас контексте. Отмеченное обстоятельство заставляет назвать те части произведений Данте и Соловьева, в которых обнаруживается прямая связь с жанром апокалиптических пророчеств и которые с другими эвристическими целями ранее становились предметом научных комментариев.

Таковыми разделами «Божественной комедии» будут, прежде всего, выступать эпические картины Ада и Чистилища, которые традиционно вызывают наибольший интерес у зарубежных исследователей, специализирующихся на изучении идейных² и образно-языковых особенностей поэмы³. Что же касается структуры «Трех разговоров», то самую заметную близость жанру христианской эсхатологии демонстрирует включенная в структуру произведения «Краткая повесть об антихристе». Однако прежде чем обратиться к содержанию самих произведений Данте и Соловьева, попробуем пояснить, что означает понятие «контрапункт стиля» и как оно может быть использовано для создания художественных образов в картинах уходящего мира.

¹ См.: Ланда К. Ключи к Данте. Итальянская литературная критика XIX–XX веков о Данте Алигьери // Вестник Европы. 2018. Т. L–LI. С. 395 [1].

² См., напр.: Corbett G. The Christian ethics of Dante's Purgatory // Medium Aevum. 2014. № 83. P. 266–287 [2]; Took J. Conversations with Kenelm Essays on the Theology of the Commedia. London: University College. London Arts & Humanities Publications / Ubiquity Press, 2013. P. 124–125, 135–136 [3].

³ См., напр.: Key T. Dante's Poetics of the Subhuman: A Reading of Inferno XXXII // L'Alighieri. 2020. Vol. 54. P. 99–115 [4]; Kirkpatrick R. Dante's Inferno: Difficulty and Dead Poetry (Cambridge Studies in Medieval Literature). Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 464 p. Xv. [5]; Schnapp J.T. Introduction to Purgatorio / The Cambridge Companion to Dante, ed. by Rachel Jacoff. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 91–106 [6].

Музыкальный термин «контрапункт», означающий гармоническое сочетание «двух или нескольких одновременно звучащих самостоятельных голосов, мотивов, мелодий»⁴, в своем литературном творчестве впервые использовал О. Хаксли. В отечественном литературоведении понятие контрапункта как сочетания двух и более стилей одним из первых начал разрабатывать Д.С. Лихачев⁵. Ему же принадлежит заслуга в разработке концепта «контрапункт стиля».

Контрапунктная принадлежность произведения одновременно к нескольким стилям, по мнению Д.С. Лихачева, была подготовлена самой природой искусства, которое представляет изображаемую действительность в художественных образах и символах. Отсюда же следует определенное несоответствие идеальной формы произведения его реальному воплощению, которое отстает от идеальной формы «и поэтому требует от воспринимающего творчества с автором»⁶.

Таким образом, контрапункт стиля, несмотря на кажущееся нарушение им принципа единства произведения, на самом деле каждый раз создает новое высшее единство, которое не только служит основанием для последующего синтеза, но и успешно сочетается с культурно-исторической действительностью благодаря универсальности законов саморазвития. Применительно к пророческому описанию загробного путешествия, образующему поэтическую структуру «Божественной комедии» Данте, это будут контрапункты будет композиция позднесредневековых и проторенессансных стилизаций, идейно связанных с символикой Апокалипсиса. «Краткая повесть об антихристе» Владимира Соловьёва также содержит в себе контрапункты стиля пророчеств, восходящих к образной стилистике Откровения Иоанна. Однако в ситуации начала культурного модерна соловьевская стилизация христианской апологетики нацелена на поиск идейно-художественной формы, одновременно актуальной для современников и созвучной идеологии новозаветного пророчества.

Разбирая основные интерпретационные подходы к книге Иоанна Богослова, А.С. Небольсин выделяет три методологические ориентации, комбинация которых способствует целостному пониманию Апокалипсиса. Такой комбинацией является рассмотрение Апокалипсиса «как эсхатологического пророчества (футуристический подход), которое, во-первых, облечено в форму послания, имеющего конкретного адресата и являющегося откликом на его проблемы (претеристский/современно-исторический подход), и, во-вторых, содер-

---

⁴ См.: Ефремова Т.Ф. Контрапункт [Электронный ресурс] // Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: http://lexicography.online/Толковые_словари/efremova (Дата обращения 19.08.2021) [7].

⁵ См.: Лихачев Д.С. Контрапункт стилей как особенность искусства // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 69–84 [8].

⁶ См.: Лихачев Д.С. Контрапункт стилей как особенность искусства. С. 70.

жит актуальные в любое время важнейшие богословские идеи о самом смысле христианского существования в этом мире (идеалистический подход)»⁷.

Вывод, к которому приходит Небольсин после разбора структуры Откровения, состоит в следующем. Несмотря на принятую однозначность в оценке Апокалипсиса, согласно которой Откровение представляет собой эсхатологическое произведение, в нем также присутствует вторая, не эсхатологическая линия. К ней относятся вневременная смысложизненная проблематика книги, а также события недавней и современной автору Апокалипсиса истории (действительно существовавшие в тот период времени внутрицерковные конфликты, лжеучители, правители и мученики, а также зашифрованные в головах зверя имена правителей Рима)⁸.

Следовательно, эсхатологическая и не эсхатологическая двойственность Апокалипсиса придает пророческой стилистике произведения не только художественную, но и мировоззренческую целостность, соответствующую финитному, новозаветному пониманию исторических перспектив земного бытия, в предопределенности существования которого содержится его закономерный финал прошлое, настоящее и будущее с его закономерным концом греховного мира и начало новой христианской эры.

При этом художественной формой изображения борьбы старого и нового, выбранной автором Откровения, выступает характерный для раннехристианских произведений полиморфный стиль эллинистической культуры. В рамках этой культурной традиции ветхозаветный жанр пророчеств дополнительно к античной трагедийной напряженности получает гностический формат поэтических аллегорий приближающегося конца света. Как же изображены в Апокалипсисе образы мирового зла, символизирующие, согласно видениям автора, скорое наступление конца истории?

Центральный образ сил зла – образ зверя – подробнее всего представлен в 13 главе Откровения. Кроме того, в 12 главе Апокалипсиса упоминается дракон, или древний змей. Он же – дьявол и сатана, обольстивший всю вселенную и низверженный на землю вместе с падшими ангелами⁹. Не разбирая подробности в изображении зверей Откровения, отметим лишь общий – антихристианский и эсхатологический – смысл появления этих образов в сюжете произведения, полной противоположностью которым выступает образ Христа-Агнца. В этом несмещенном варианте контрапункта противостоящий образу богачеловека образ зверя действительно должен носить имя антихриста.

В Откровении существуют еще один важный антихристианский типаж, используемый для изображения сил скрытого зла. Это сопровождающие появление дракона и зверя антихристианские правители и лжепророки, которые мо-

⁷ См.: Небольсин А.С. Методы интерпретации, эсхатология и структура Откровения Иоанна Богослова // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2010. Вып.3 (31). С. 60 [9].

⁸ Там же. С. 60–61.

⁹ См.: Откр. 12: 7.

гут выдавать себя за Мессию, хотя на самом деле имеют злую сущность, идентичную сущности зверя¹⁰.

Переходя к анализу апокалиптических образов в тексте «Божественной комедии», в качестве типичного примера их творческого воплощения рассмотрим идейно-художественные особенности песни XXXIV части «Ад». Именно здесь Данте в соответствии с символической стилистикой средневековых, но при этом уже новоевропейских чувственно-реалистических представлений о силах зла подробно описывает облик властелина inferнального мира – трехликого зверя-Люцифера, который терзает в своих пастьях трех самых известных предателей¹¹.

Подобная смысловая коннотация, присущая образу верховного владыки Ада, вполне соответствует средневековой идейно-художественной стилистике полного антагониста триединого Бога. Об этом, в частности, свидетельствуют образно-смысловые характеристики Люцифера, превратившегося «в страшную пародию на небесный образец»¹². Вместе с тем, наряду с пародийным противопоставлением божественных символов, образ падшего ангела все же сохраняет у Данте акцентуруемые в стилях позднейших культурных эпох некоторые признаки гордого архангела, который «был так дивен, как теперь ужасен»¹³.

Как отмечает М. Лозинский в примечаниях к песне XXXIV, Данте, изображая Люцифера, сочетает «данные библейского мифа о восстании ангелов с построениями собственной фантазии»¹⁴. Такое сочетание придает образу Люцифера семантическую многозначность, благодаря которой мятежный ангел, превратившись в «чудовищного Дьявола», становится властелином Ада¹⁵. В этом inferнальном качестве Люцифер у Данте выполняет еще одну важную для поэта функцию – он становится палачом над теми, кто в дантовском списке грехов служит персонификацией крайних проявлений человеческого зла.

Следовательно, в иерархии воплощений мирового зла дантовский сатана оказывается не только наказуемым, но одновременно и наказывающим за моральное зло, пределом которого у Данте становится лично ненавистный ему грех предательства. Отсюда следует неявно присутствующая в тексте роль Данте – судьи человеческих грехов, которая отличает его от созерцательного и ведомого образа лирического героя поэмы, но одновременно сближает произведение с жанром апокалиптических пророчеств и тайных видений. При этом если в первой части поэтического пророчества Данте преобладает обличительная тональность, то в чистилищных видениях поэта наиболее полно воплоща-

¹⁰ См.: Откр. 13: 11; 16: 12.

¹¹ См.: Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского; вступ. ст. К. Державина; Ил. Г. Доре. Оф. Е Ганнушкина. М.: Правда, 1982. С. 180–181 [10].

¹² См.: Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990. С. 122 [11].

¹³ См.: Данте Алигьери. Указ. соч. С. 180.

¹⁴ См.: Данте Алигьери. Указ. соч. С. 562.

¹⁵ Там же.

ется призыв Беатриче описать «взором и умом» транслируемые ему мистические откровения¹⁶.

В рамках такой художественной формы можно говорить о прямых параллелях между претеристскими аллегориями 13 главы Откровения Иоанна и символическим истолкованием Данте истории отношений католической церкви с императорской властью из песни XXXII второй части «Божественной комедии»¹⁷. Возможно также, что одинокий старец из песни XXIX, который идет вслед за тремя апостолами-евангелистами и апостолом Павлом¹⁸, символизирует самого автора Апокалипсиса – единственного апостола, дожившего до глубокой старости.

Таким образом, центральное место в содержании поэмы занимает художественно оформленная идея взаимосвязи противоположных начал, символизирующих единство материального и нематериального в мире. Каждая из этих сущностей, обладающих онтологическим потенциалом для синтеза и нового качественного перехода, благодаря контрапунктной стилистике поэмы, придает произведению Данте искомую им концептуальную и художественную гармонию. Сказанное еще раз подтверждает принадлежность «Божественной комедии» к историческому стилю переходной эпохи, послужившему литературным мостом от средневековой картины мира к европейскому Ренессансу.

Обращаясь к теме идейно-художественных особенностей использования образов Апокалипсиса в «Краткой повести об антихристе» Владимира Соловьева, прежде всего отметим распространенность эсхатологических мотивов в российской метафизике рубежа XIX–XX вв. В этом смысле проблематика «Краткой повести» и «Трех разговоров» в целом не явилась для почитателей и критиков творчества Соловьева полностью новаторской. Не повторяя в силу ограниченного формата статьи известных специалистам выводов, касающихся особенностей соловьевской эсхатологии¹⁹, обратимся к вопросу о том, как в этой пророческой по своей самосознающей сути позиции философа, в контра-

---

¹⁶ См.: Данте Алигьери. Указ. соч. С. 345.

¹⁷ Там же. С. 348.

¹⁸ См.: Ильин И. Пророк Данте Алигьери [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://proza.ru/2012/04/18/1016> [12].

¹⁹ Среди работ современных авторов из этого достаточно большого тематического списка можно назвать, напр.: Гранин Р.С. Эсхатология всеединства Владимира Соловьева // Человек: образ и сущность. 2016. № 1 (27). С. 182–199 [13]; Котрелев Н.В. Эсхатология у Владимира Соловьева (К истории «Трех разговоров») // Эсхатологический сборник. СПб.: Алетейя, 2006. С. 238–257 [14]; Межуев Б.В. «Перемена в душевном настроении» Вл. Соловьева 1890-х годов в контексте его эсхатологических воззрений // Эсхатологический сборник / ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. СПб.: Алетейя, 2006. С. 258–272 [15]; Приходько М.А. Рефлексия утопизма в Апокалипсисе Иоанна Богослова и эсхатологии Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 4(60). С. 27–38 [16]; Рычков А.Л. Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 6–42 [17].

пунктах стиля начинающейся эпохи модерна Владимир Соловьев использует апокалиптические образы конца истории.

В отличие от реализма, ориентированного на «воспроизведение подлинной сущности первичной реальности»²⁰, главной изобразительной задачей модернизма является последовательный отказ от принципа репрезентации действительности в пользу условности изображаемого²¹. На российской культурной почве раньше, чем в других направлениях модернизма, художественная запредельность изображаемого проявилась в декларациях символизма, который, сохраняя общеевропейскую ориентацию на новые образцы искусства, был необходимо дополнен поиском нового религиозного мировоззрения²².

Возвращаясь к теме апокалиптических образов «Краткой повести об антихристе», можно констатировать, что, являясь, с одной стороны, предшественником нового стиля наступающей эпохи модернистских инноваций, а с другой – сторонником исторических стилей, сложившихся в рамках культурной классики, Соловьев пытается соединить их в собственной стилистической версии жанра откровения.

Разумеется, концептуальный масштаб идейно-художественных заимствований «Краткой повести» значительно превосходит жанровые особенности патристических стилизаций культурного модерна. Однако, в отличие от нарочитой пародийности современного искусства, пророческая стилизация Соловьева сохраняет мировоззренческую серьезность и узнаваемость используемого им стилистического канона²³.

Объективным основанием творческого выбора Соловьева, как представляется, могла послужить имманентно присутствующая в саморазвитии культурных феноменов тенденция к повторению пройденного. В соответствии с принципами восходящей логики такого повторения, в мировоззренческом синтезе подлинных произведений искусства всегда обнаруживаются следы исходной идеи²⁴. В этой связи можно предположить, что апокалиптические образы «Краткой повести» действительно соответствуют представлениям Соловьева о ценностях и антиценностях христианских общин, находившихся в ожидании скорого конца света и второго пришествия.

В нарисованной философом апокалиптической картине исторических перспектив существования человечества позитивный смысл существования

---

²⁰ См.: Кормилов С.И. Реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 858 [18].

²¹ См.: Зверев А.М. Модернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 567 [19].

²² См.: Иванова Е.В. Модернизм, символизм и возникновение литературных направлений в русской литературе XX века // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 228, 234 [20].

²³ См.: Волков Ю.К. Стилистические инверсии традиций в культуре постмодерна // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб.: СПбГУП, 2019. С. 321 [21].

²⁴ Там же. С. 322.

человека в проекции его сущностных отношениях с Богом²⁵ скрыт за пределами постапокалиптического времени. Единственной целью, которая в ситуации приближающегося конца истории может компенсировать отсутствие общего положительного идеала, становится у Соловьева не пророческое «опровержение мнимой религии, а обнаружение действительного обмана»²⁶.

В то же время евангелический идеал бескорыстной любви и духовного единения Христа и его учеников как возможный путь к тысячелетнему царству Спасителя отчасти снимает пародийную фальшивость последнего века перемен, в котором царствуют антихрист, лжепророки и мнимый сверхчеловек. Об этом, несмотря на его кажущуюся сказочность, идейную неясность и отсутствие «подлинной художественной выразительности»²⁷, свидетельствует финал повести, в котором предводителем всех христиан и примкнувших к ним казненных антихристом евреев остается небольшой круг духовных единомышленников Христа, состоящий из трех самых известных апостолов²⁸.

Оставаясь, как любой создатель художественно-исторических реминисценций, носителем спекулятивно-образного сознания своей эпохи и отказавшись от роли носителя абсолютной истины, характерной для новозаветных откровений, Соловьев тем не менее сохраняет присущую им веру в возможность спасения гибнущего мира. В этой ситуации философ вынужден был обратиться к поиску относительных ценностей, созвучных историческому христианству и существующих в просветительской культуре модерна. Хотя наверняка знал, что такие партикулярные ценности могут сохранить свое истинностное значение лишь в кругу духовных единомышленников.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующий вывод. Апокалиптические образы Соловьева не несут в себе обязательной для традиционной христианской эсхатологии простой и ясно сформулированной идеи грядущего конца мира и близкого спасения. Оформленные в жанре библейских пророчеств, эти образы по-новому, в соответствии с особенностями культурного модерна рубежа XIX–XX вв. символизируют неизбежность продолжения «великих войн, междоусобий и переворотов»²⁹ в процессе долгой по человеческим меркам эпохи наступления исторического финала. На этом переходном этапе, полном злобы, лжи и обмана, лишь традиционный для христианства идеал бескорыстной любви и духовного единения, используемый Соловьевым в рамках новой художественной стилистики, способен сохранить свою вневременную ценность.

---

²⁵ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1990. С. 761 [22].

²⁶ Там же. С. 638.

²⁷ См.: Евлампиев И.И. Загадка «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2010. Вып. 3(27). С. 26–27 [23].

²⁸ См.: Соловьев В.С. Указ. соч. С. 761.

²⁹ Там же. С. 736.

Список литературы

1. Ланда К. Ключи к Данте. Итальянская литературная критика XIX–XX веков о Данте Алигьери // Вестник Европы. 2018. Т. L–LI. С. 395–405.
2. Corbett G. The Christian ethics of Dante's Purgatory // *Medium Aevum*. 2014. № 83. P. 266–287.
3. Took J. *Conversations with Kenelm Essays on the Theology of the Commedia*. London: University College. London Arts & Humanities Publications / Ubiquity Press, 2013. 214 p.
4. Key T. Dante's Poetics of the Subhuman: A Reading of Inferno XXXII // *L'Alighieri*. 2020. Vol. 54. P. 99–111.
5. Kirkpatrick R. *Dante's Inferno: Difficulty and Dead Poetry* (Cambridge Studies in Medieval Literature). Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 464 p.
6. Schnapp J.T. Introduction to Purgatorio / *The Cambridge Companion to Dante*, ed. by Rachel Jacoff. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 91–106.
7. Ефремова Т.Ф. Контрапункт [Электронный ресурс] // Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <http://lexicography.online>Толковые словари:efremova (Дата обращения 19.08.2021)
8. Лихачев Д.С. Контрапункт стилей как особенность искусства // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 69–84.
9. Небольсин А.С. Методы интерпретации, эсхатология и структура Откровения Иоанна Богослова // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2010. Вып. 3(31). С. 55–74.
10. Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского; вступ. ст. К. Державина; Ил.Г. Доре. Оф. Е. Ганнушкина. М.: Правда, 1982. 640 с.
11. Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990. 207 с.
12. Ильин И. Пророк Данте Алигьери [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://proza.ru>2012/04/18/1016 (Дата обращения 23.07.2021).
13. Гранин Р.С. Эсхатология всеединства Владимира Соловьёва // Человек: образ и сущность. 2016. № 1(27). С. 182–199.
14. Котрелев Н.В. Эсхатология у Владимира Соловьёва (к истории «Трёх разговоров») // Эсхатологический сборник / под ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. СПб.: Алетейя, 2006. С. 238–257.
15. Межуев Б.В. «Перемена в душевном настроении» Вл. Соловьёва 1890-х годов в контексте его эсхатологических воззрений // Эсхатологический сборник / под ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. СПб.: Алетейя, 2006. С. 258–272. Периодический сборник научных трудов. Вып. 11.
16. Приходько М.А. Рефлексия утопизма в Апокалипсисе Иоанна Богослова и эсхатологии Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 4(60). С. 27–38.
17. Рычков А.Л. Владимир Соловьёв и антихристы Иоахима Флорского // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 6–42.
18. Кормилов С.И. Реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 858–863.
19. Зверев А.М. Модернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 566–571.
20. Иванова Е.В. Модернизм, символизм и возникновение литературных направлений в русской литературе XX века // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 226–241.
21. Волков Ю.К. Стилистические инверсии традиций в культуре постмодерна // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб.: СПбГУП, 2019. С. 320–322.

22. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1990. С. 635–762.

23. Евлампиев И.И. Загадка «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 3(27). С. 12–30.

References

(Sources)

Individual Works

1. Dante, Alig'eri. *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Moscow, 1982. 640 p.

2. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vsemirnoy istorii [Three conversations about war, progress and the end of world history], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow, 1990, pp. 635–762.

(Articles from Scientific Journals)

3. Corbett, G. The Christian ethics of Dante's Purgatory, in *Medium Aevum*, 2014, no. 83, pp. 266–287.

4. Evlampiev, I.I. Zagadka «Kratkoy povesti ob antikhriste» Vl. Solov'eva [The riddle of the "Short Story about the Antichrist" by V. Solovyov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 3(27), pp. 12–30.

5. Granin, R.S. Eskhatologiya vseedinstva Vladimira Solov'eva [The Eschatology of the Unity of Vladimir Solovyov], in *Chelovek: obraz i sushchnost'*, 2016, no. 1(27), pp. 182–199.

6. Ivanova, E.V. Modernizm, simvolizm i vozniknovenie literaturnykh napravleniy v russkoy literature XX veka [Modernism, Symbolism and the Emergence of Literary Trends in Russian literature of the XX century], in *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 226–241.

7. Landa, K. Klyuchi k Dante. Ital'yanskaya literaturnaya kritika XIX–XX vekov o Dante Alig'eri [The keys to Dante. Italian literary criticism of the XIX–XX centuries about Dante Alighieri], in *Vestnik Evropy*, 2018, vol. L–LI, pp. 395–405.

8. Nebol'sin, A.S. Metody interpretatsii, eskhatologiya i struktura Otkroveniya Ioanna Bogoslova [Methods of interpretation, eschatology, and structure of the Revelation of John the Theologian], in *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye*, 2010, issue 3(31), pp. 55–74.

9. Prikhod'ko, M.A. Refleksiya utopizma v Apokalipsise Ioanna Bogoslova i eskhatologii Vladimira Solov'eva [Reflection of Utopianism in the Apocalypse of John the Theologian and the Eschatology of Vladimir Solovyov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2018, issue 4(60), pp. 27–38.

10. Rychkov, A.L. Vladimir Solov'ev i antikhristy Ioakhima Florskogo [Vladimir Solovyov and the antichrists of Joachim Floras], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2018, issue 3(59), pp. 6–42.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

11. Key, T. Dante's Poetics of the Subhuman: A Reading of Inferno XXXII, in *L'Alighieri*, 2020, vol. 54, pp. 99–111.

12. Kormilov, S.I. Realizm [Realism], in *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2001, pp. 858–863.

13. Kotlev, N.V. Eskhatologiya u Vladimira Solov'eva (K istorii «Treh razgovorov») [Eschatology at Vladimir Solovyov (To the history of "Three conversations")], in *Eskhatologicheskii sbornik* [Eschatological collection]. Saint-Petersburg, 2006, pp. 238–257.

14. Mezhuiev, B.V. «Peremena v dushevnom nastroenii» Vl. Solov'eva 1890-kh godov v kontekste ego eskhatologicheskikh vozzreniy ["Change in the mental mood" by V. Solovyov in the 1890s

in the context of his eschatological views], in *Eschatologicheskii sbornik* [Eschatological collection]. Saint-Petersburg, 2006, pp. 258–272.

15. Schnapp, J.T. Introduction to Purgatorio, in *The Cambridge Companion to Dante*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 91–106.

16. Volkov, Yu.K. Stilisticheskie inversii traditsiy v kul'ture postmoderna [Stylistic inversions of traditions in postmodern culture], in *XIX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya «Mirovoe razvitiye: problemy predskazuemosti i upravlyaemosti»* [XIX International Likhachev Scientific Readings “World Development: Problems of Predictability and Manageability”]. Saint-Petersburg, 2019, pp. 320–322.

17. Zverev, A.M. Modernizm [Modernism], in *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2001, pp. 566–571.

(Monographs)

18. Dobrokhotoy, A.L. *Dante Alig'eri* [Dante Alighieri]. Moscow, 1990. 207, p.

19. Kirkpatrick, R. *Dante's Inferno: Difficulty and Dead Poetry* (Cambridge Studies in Medieval Literature). Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 464 p.

20. Likhachev, D.S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the philosophy of artistic creativity]. Saint-Petersburg, 1996. 191 p.

21. Took, J. *Conversations with Kenelm Essays on the Theology of the Commedia*. London: University College. London Arts & Humanities Publications / Ubiquity Press, 2013. 214 p.

(Electronic Resources)

22. Efremova, T.F. Kontrapunkt [Counterpoint], in Efremova, T.F. *Novyi slovar russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyi* [A new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming]. Moscow, 2000. Available at: <http://lexicographyonline> Tolkovye slovari efremova (Data obrashcheniya 19.08.2021).

23. Il'in, I. *Prorok Dante Alig'eri* [The Prophet Dante Alighieri]. Available at: <http://proza.ru>2012/04/18/1016. (Data obrashcheniya 23.07.2021).